

Александр Виноградский

«Семь сорок» для президента

Мой шурин Григорий Бужорский работал грузчиком на том же предприятии, где трудилась мама будущего Президента. Гриша был человеком музыкально одаренным, влюбленным в песню вообще и в еврейскую особенно. Часто в семейном кругу он пел песни на идиш, получая заслуженную порцию оваций от благодарных членов мышпухи, истосковавшихся по родным мелодиям, по родному слову. А у нас в семье песню любили все. Пела мама, которая знала огромное количество песен на идиш, пели мои сестры – особенно это удавалось моей сестричке Бронечке, не отставал от них и я, между делом вставляя свои «пять копеек». В большинстве своем это были городские песни.

Но Гриша, в отличие от нас, одесситов, родившийся в Кишиневе на Скулянке, знал и песни на румынском, чего не знали мы, рожденные на Молдаванке. В те голодные послевоенные годы он мог на Староконке, на Толчке вместо буханки хлеба удачно выторговать и купить пластинку Лещенко или Вертинского, за что встречаем был теплым укоризненным взглядом моей тихой сестры Бети, поджидавшей его с хлебом и кулечком муки, дабы соорудить затирушку для семьи и маленького сына. Подобное так и случилось в один прекрасный день, когда он с сияющими глазами принес купленную им за двести рублей старую пластинку. Ушел он на Толчок в пиджаке, который именовал жакетом, воротился же в майке, а пиджак, по его выражению, загнал, дабы приобрести пластинку. И молвил он:

– Бетя, ты только взгляни на эту прелесть! Это же что-то особенного! Я когда услышал – онемел! С одной стороны – «Купите папиросы!», а с другой – ты не поверишь! – настоящие «Семь со-

рок»! И это же не на какой-то пленке на костях, а варшавская фирма «Сирена-Рекорд»! Этот чудак просил за нее триста, а уступил почти даром – за двести! А без жакета я как-нибудь перебуюсь, тем паче что на дворе лето!

Так появилась в нашей семье эта редкая пластинка. И часто звучала она в будни и праздники, и часто просили обитатели жилья на Картамышевской, четырнадцать, на Молдаванке, сначала накрутить патефон, а позднее – поставить радиолу, чтобы услышать и потанцевать под звуки настоящих «Семь сорок».

В девяностые годы случилось мне служить в Одесском обществе еврейской культуры на Малой Арнаутской. Тогда там собралось великое множество достойных людей, но об этом – отдельный разговор. И вот в первых числах марта 1994 года подходит ко мне ответственный секретарь общества Александр Юлиевич Розенбойм, замечательный писатель, творивший свои произведения под псевдонимом Ростислав Александров, и говорит, что накануне к нему обратился с просьбой Евгений Михайлович Голубовский и попросил помочь подобрать неординарный подарок к юбилею президента Всемирного клуба одесситов Михаила Михайловича Жванецкого. И тут меня осенило, и я с интонацией вождя, благо картавость у меня врожденная, воскликнул: «Есть такой подарок!». Остальное было делом техники. Я при этом не был, но Женя Голубовский впоследствии рассказывал, что юбиляр по достоинству оценил подарок-раритет и, узнав имя хозяина пластинки, Жванецкий воскликнул:

– Отлично, Григорий!

– Нормально, Михаил! – отвечивал Голубовский.

